

Е.А. Шуклина

ПАРТИСИПАТОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, МЕТОДИКА, ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ

Рассмотрена проблема актуализации применения партисипаторных исследований в России. Показано, что они как феномен гражданского общества актуализируются с его развитием и являются показателем уровня сформированности культуры участия у разных групп населения. Этот вид исследований в большей степени соотносится с таким актуальным направлением социологической науки, как публичная социология. Дана краткая характеристика истории становления партисипаторных исследований, показано, что в России они не нашли широкого применения прежде всего в связи с ограниченным развитием гражданских институтов.

Рассмотрены сущностные характеристики, методологические и методические особенности, специфика реализации партисипаторных исследований в социокультурной сфере. Показано, что термин «партисипаторные исследования» не является окончательно сложившимся, при этом его обязательными параметрами можно считать: участие социальных сообществ в качестве со-исследователей; практическую ориентацию на результат, связанную с изменением исследуемой сферы социальной реальности; выраженный образовательный эффект, проявляющийся в более углубленном понимании представителями социальных сообществ сути их проблемы, а также способов ее изучения; повышение гражданской активности, ориентированной на социальные изменения.

Партисипаторные исследования связаны с достижением общественного блага на локальном и глобальном уровнях, с решением проблем, в которых не могут не быть заинтересованы участники социальных проектов, частью которых эти исследования являются. Показана их роль в формировании культуры участия и развитии гражданских институтов. Приведены методики и материалы партисипаторных исследований, реализованных в музейной практике.

Ключевые слова: *партисипаторные исследования, партисипативная культура, методология и методика социологических исследований, музейная деятельность.*

Особенности методологии партисипаторных исследований. Партисипаторные исследования¹, достаточно активно реализующиеся за рубежом, в России находятся на стадии становления и применяются, пожалуй, только в рамках партисипативного менеджмента. Будучи феноменом гражданского общества, они актуализируются с его развитием и являются показателем степени сформированности партисипативной культуры населения. Их появление относят к середине прошлого столетия [1, 2]. В настоящее время из области социальной психологии они распространились на различные сферы социогуманитарной мысли и нашли применение в социально-экономической, социально-политической и социокультурной областях общественной жизни.

© Шуклина Е.А., 2017

Шуклина Елена Анатольевна – д-р социол. наук, профессор, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», e-mail: shuklina_elena@mail.ru.

¹ Мы используем термин «партисипаторный» для характеристики исследований и «партисипативный» для обозначения управления и культуры определенного типа в силу сложившихся в западной литературе традиций словоупотребления [7, 10, 11].

В социологическом знании исследования этого типа являются скорее прерогативой публичной социологии, наиболее открыто и активно взаимодействующей с обществом [3]. С нашей точки зрения, они выступают наиболее «радикальной» ее частью, поскольку предполагают не только гражданское участие социолога в общественной жизни, но и включенность в процесс исследования в качестве *co*-исследователей социальных сообществ, которые готовы реализовать свою активность в социальных преобразованиях, от повседневных практик до крупных социальных подсистем общества.

Партисипаторные исследования получили свое развитие в странах третьего мира в середине прошлого столетия (1960–1970 гг.). Они реализовывались западными исследователями-практиками с целью решения ряда социальных проблем: нищеты, политического бесправия, защиты прав человека, формирования экономического сознания, внедрения новых практик хозяйствования, способствующих изменению уровня и качества жизни социальных сообществ (прежде всего в сельской местности).

Позже на теоретической базе марксизма более углубленно исследовались проблемы социальной несправедливости, экономического неравенства, скрытой консервативной политической повестки дня. Феминистские концепции легли в основу анализа проблем трудовой занятости женщин, сексизма, семейного насилия. Актуализировались исследования организационно-управленческих проблем трудовых коллективов и социальной защиты трудящихся. Отдельным активно развивающимся направлением стала экологическая проблематика. В это же время начала разрабатываться тематика исследований в сфере образования (эффективность новых учебных программ, качество обучения, инновационные методы, проблемы непрерывного образования и пр.).

В российском исследовательском поле использование партисипаторных исследований крайне ограничено, что связано с ущемленностью, дисфункциональностью развития гражданских институтов и культуры участия населения. При этом перспективы их актуализации определяют в дальнейшем постепенное изменение социальной роли социологического сообщества и будут способствовать решению широкого спектра социальных проблем.

В академической науке понятие партисипаторного исследования не сформировалось окончательно. Его интерпретации в литературе представлены в таблице [4, с. 1669].

Обязательными параметрами партисипаторных исследований можно считать: участие социальных сообществ в качестве *co*-исследователей (они никогда не выступают только объектом исследования, хотя степень их участия может быть различной); практическую ориентацию на результат, связанную с изменением исследуемой сферы социальной реальности; выраженный образовательный эффект, проявляющийся в более углубленном понимании представителями социальных сообществ сути их проблемы, а также

способов ее изучения; повышение гражданской активности, ориентированной на социальные изменения.

Партисипаторные и традиционные исследования: сравнительный анализ

Критерий сравнения	Партисипаторные исследования	Традиционные исследования
На что нацелено исследование?	На действие	На понимание, которое, возможно, предполагает дальнейшие действия
Для кого проводится исследование?	Для местных сообществ	Для институциональных, личных и профессиональных интересов
Чье знание принимается во внимание?	Местных сообществ	Ученых
Что влияет на выбор темы исследования?	Приоритеты местного сообщества	Приоритеты финансирующих организаций, институциональная повестка дня, профессиональные интересы
Для чего выбирается методология?	Для расширения прав и возможностей, совместного приращения знаний	Для дисциплинарных конвенций, «объективности» и «истины»
Кто принимает участие на разных стадиях исследовательского процесса?		
Определение проблемы	Местное сообщество	Исследователь
Сбор данных	Местное сообщество	Исследователь
Интерпретация	Как местное сообщество видит и концептуализирует ситуацию	Как ситуация концептуализируется в рамках научной дисциплины
Анализ	Местное сообщество	Исследователь
Презентация открытий в рамках проекта	Доступна и полезна для местных сообществ	Делается исследователем для академического сообщества или грантодателя
Действия, предпринимаемые по результатам исследования	Интеграция изменений в жизнь местного сообщества	Отделены от местного сообщества, могут так и не последовать
Кто внедряет изменения?	Местное сообщество с/без внешней поддержки	Внешние организации
Кому принадлежат результаты?	Исследователю и местным сообществам	Только исследователю
Что акцентируется в рамках проекта?	Текущие процессы	Выводы

Концептуальная размытость терминов «участие» и «участник» также создает пространство для дискуссий. Выделяются, как правило, четыре формы участия: договорное, когда люди договариваются с исследователем полноценно участвовать во всех экспериментах и сборе информации; консульта-

тивное – перед внедрением изменений к людям обращаются за консультативной помощью, спрашивают их мнение; совместное участие (коллаборативное) – это совместная работа над проектом, который инициируется, разрабатывается и управляется исследователем; коллегиальное, когда исследователи и местные сообщества работают совместно как коллеги, обладающие разными навыками, при этом местное население имеет возможность контролировать процесс исследования [4, с. 1669].

Партисипаторные исследования базируются на достаточно плюралистичной методологии, которая, тем не менее, в большей степени ориентирована на использование качественных методических стратегий [5, 6, 7]. Для них характерна антипозитивистская направленность интерпретативной социологии, организация научного поиска через «выращивание» мини-теорий на базе обобщения эмпирических данных, гибкое сочетание методов мягкого и жесткого формата в процессе сбора информации [8, 9].

В целом партисипаторные исследования могут быть рассмотрены как одна из разновидностей методических стратегий, для которой характерен ряд принципов: интерпретативность, открытость, контекстуальность, субъект-субъектный тип взаимодействия, реализуемый в ходе исследовательского процесса, социальная ориентированность. Исследования этого типа осуществляются совместно «с» людьми, а не «на» людях как объекте и даже не «для» людей, во имя их блага [10, 11]. Их результаты ориентированы на значимые изменения, которые должны произойти в реальности, их целью является самопреобразование внутри групп, организаций и более крупных социальных структур. При этом коллективная деятельность, направленная на саморегуляцию, органично объединяется с процессом исследования.

Партисипаторные исследования осуществляются при соблюдении ряда условий: существовании сообщества людей, которые в той или иной мере осознают наличие общей для них социальной проблемы и необходимости изменить сложившуюся ситуацию; сформированности у представителей данного сообщества партисипативной культуры определенного уровня; наличии объективных условий для данных изменений; доверии социальных субъектов институтам, ответственным за социальные изменения и решение конкретной проблемы, а также веры людей в то, что они способны эти изменения осуществить, преодолев институциональные и организационные барьеры.

Если ставить проблему масштабов реализации партисипаторных исследований, то, с одной стороны, они направлены на воспроизводство и изменение смыслов, ценностей, практик локальных социокультурных сообществ, укрепление местных сетевых территориальных связей, с другой – прогнозируется их выход на проблемы глобального масштаба и макроориентацию демократического диалога, а также разработку стратегий социальных преобразований всех уровней [12].

Отношения партисипаторных исследований с академической наукой являются принципиальной проблемой. С одной стороны, они ориентированы на базовые требования академической науки к получению научного знания, при реализации которых конструируется методология исследования, продумываются процедуры верификации концептуальных положений и контроля получаемых данных. С другой – существует совершенно иная концепция и практика партисипаторных исследований, связанная с выраженным дистанцированием от академической науки и корпоративных стратегий партисипативного управления. В рамках этой традиции осуществляется критика эффективности больших теорий и принятых в науке методов исследования, отдается предпочтение «живому» знанию [11, 13]. Вступая в конфронтацию с академическими стереотипами интерпретации тех или иных социальных феноменов, партисипаторные исследования выполняют роль контр-нарративов, опровергая академические построения и описания исторического прошлого или повседневности.

Другой проблемой взаимодействия с академической наукой является высокий уровень активной практической вовлеченности *co*-исследователей в изучаемую проблему, что часто приводит к нарушению принципа безоценочности, ценностной нейтральности, и вступает в противоречие с требованием академической объективности и отстраненности. Однако в микросоциологии, социальной антропологии, этнографии уже накоплен опыт по сбору качественных данных таким методом, который позволяет нивелировать указанные отклонения. Что же касается сбора количественных данных методами опроса или стандартизированного наблюдения, то здесь подобные сложности минимизированы самими особенностями метода.

Партисипаторные исследования могут быть выполнены как в традиции «демократического» коллективного самоэкспериментирования, так и с доминантным участием академического экспертного сообщества. При этом равноправие в партнерских отношениях предполагает не только совместное участие в распределении власти и ресурсов, но и постоянный обмен знаниями и навыками на каждом этапе проекта: при определении проблемы, отборе участников, создании дизайна исследования, его проведении, интерпретации результатов, определении того, как они должны быть использованы для действий.

В целом академическое экспертное сообщество имеет ограниченное влияние на реализацию партисипаторного исследовательского проекта, а поиск оптимального соотношения между исследователем и исследуемым можно квалифицировать как противоречие между активностью гражданского общества, постепенно овладевающего культурой участия, и академическим мейнстримом, существующим в виде принятых стандартов и практик научной деятельности. При этом преимущества партисипаторного исследования заключаются:

♦ в ангажированности проблематики исследовательского проекта нуждами социальных групп, чьи проблемы находятся вне поля социального внимания. Они позволяют «дать слово» разным социальным сообществам, в том числе и так называемым «невидимым подгруппам» населения, таким как инвалиды, пожилые люди, представители низших классов, религиозных меньшинств и т.д., которые недостаточно представлены в исследовательском поле, и чьи проблемы часто игнорируются;

♦ в альтернативных подходах к организации исследовательского процесса как интеграции между исследователями и исследуемыми, дающими приток новой информации, адекватной решаемым проблемам;

♦ в новом подходе к решению вопросов финансирования (его источникам и объемам) и т.д.

Комплексным социальным эффектом их применения станет развитие партисипативных элементов гражданской культуры российского общества.

Партисипаторные исследования связаны с достижением общественного блага на локальном и глобальном уровнях, обращаются к решению проблем, в которых не могут не быть заинтересованы участники социальных проектов, частью которых эти исследования являются. Именно поэтому выбор адекватных методов сбора и анализа информации имеет особое значение.

Методы сбора информации в партисипаторных исследованиях. В партисипаторных исследованиях используются традиционные классические количественные и качественные методы сбора информации, но при этом они могут иметь различные модификации. Применяются биографические методы, методы, реализуемые в контексте таких исследовательских стратегий, как «устная история» (Oral history), «история жизни» (Life history), этнографических типах качественных исследований. Из опросных методов активно используются фокус-группы, свободные, нарративные, лейтмотивные, дневниковые интервью и т.д. Используются различные виды мультидискуссий, деловых игр, игровых методов в виде конкурсов, арт-экшн, театральных постановок. Созданные участниками проектов сборники историй, рассказов, эссе, сочинений, рисунков, фотовыставки, элементы кино-, видеопродукции выступают в качестве основы для коллективного анализа.

При этом важно понимать, что ключевым моментом в партисипаторных исследованиях являются не методы, а способы их применения, сама концепция участия, реализованная в исследовании, связанная с распределением ролей между социологом и *co*-исполнителем.

Классификация применяемых методов возможна по разным критериям: количественные/качественные; опросные/неопросные; традиционные социологические (исследовательские) и специфические для партисипаторных исследований («преобразующие» методы). Последние целесообразно описать с позиции ролей социолога и *co*-исследователей в их реализации [14, 15].

В них уже predetermined активная как исследовательская, так и социально-преобразующая функция участников. Они являются одновременно и средством социологического исследования, и инструментом воздействия на общественное сознание, элементы культуры и поведенческие практики социальных сообществ, принятие управленческих решений властными структурами. Другими словами, социологические цели и измерительные процедуры здесь часто «замаскированы» под различные виды активности и формы общественного участия, формируя с ними своего рода симбиоз.

Особое место среди методов сбора информации в партисипаторных исследованиях занимают методы визуальной социологии, в том числе связанные с применением цифровых технологий. Одним из таких методов является Participatory Video (PV). Отличаясь от традиционных способов производства кинопродукции, оно представляет собой интерактивный групповой процесс, привлекательный для участвующих и нацеленный на создание членами сообщества видеосредства общественного влияния. Члены группы записывают себя, мир вокруг, моделируют свои собственные истории. Их видео обеспечивает возможность углубленно изучать положение членов сообщества, размышлять об их опыте вместе, анализировать реально существующую ситуацию, определять способы ее изменения на основе вновь полученного знания.

В исследовательской практике видеосъемка используется в качестве посредника (фокуса) для групповых обсуждений наиболее актуальных проблем, организации диалогов по различным вопросам, другими словами, для сбора качественной информации. В организационном плане видеосъемка незаменима для установления отношений сотрудничества и активизации групповых действий, мотивации участия в исследовании более широкого сообщества и т.д.

Функции PV зависят от характера исследуемой проблемы, особенностей участвующего сообщества, определяются ходом исследования. На начальных его этапах видеосъемка применяется с разведывательными целями, используется для скрининговых мероприятий. В работе с *co*-исследователями PV необходимо для постановки общих целей и задач, активизации процессов группобразования у участников, повышения их уверенности в своих силах.

Далее PV – это способ изучения сообществом реальности, конкретизации, всестороннего комплексного освещения проблемы, инструмент для групповой рефлексии, средство установления внутригруппового доверия. На последних этапах видеоматериал используется для стимуляции горизонтального диалога с коллегами и вертикального диалога с представителями власти разного уровня.

Цифровое повествование Digital Storytelling (DST) – еще один метод, сформировавшийся в середине 1990-х годов, заключающийся в использовании цифровых технологий, позволяющих людям рассказать историю или представить идею. DST – метод, альтернативный традиционному, объединяет комплекс технологий кино, мультипликации, фото-, аудиозаписи для созда-

ния *co*-исследователями короткого цифрового видео (как правило, трехминутного). Члены сообщества создают серии цифровых историй, наглядно изображающих их жизненные проблемы, самостоятельно выбирая объект и форму высказывания, способ конструирования себя и своей истории в процессе повествования, что позволяет представить все богатство, многослойность человеческих отношений и переживаний.

Цифровое повествование дает возможность получения богатой информации качественного типа, обмена опытом между всеми участниками, а также с внешними сообществами. Поскольку цифровая среда – относительно недорогая и доступная технология для неспециалистов, использующих непрофессиональное оборудование и доступное программное обеспечение, то участником исследовательского процесса может стать любой человек вне зависимости от возраста, места проживания (типа поселения), уровня грамотности. При этом он получает возможность принимать участие в жизни общества, влиять на изменение собственной ситуации. В методическом плане DST успешно решает задачи сбора качественных данных, мониторинга и оценки надежности полученной информации.

Еще одним визуальным методом является метод фотоистории (Photovoice). Несмотря на то, что официально Photovoice был представлен исследователями С. Wang и М.А. Burgis в 1997 году, он получил систематическое освещение значительно позже, когда были проанализированы его возможности и контекстное использование.

Photovoice – метод использования фотографии для визуального выражения участником своей точки зрения, представления проблем и форм повседневной жизни своего сообщества путем фотографирования ситуаций, сцен, связанных с темой исследования. В ходе исследовательской работы данные фотографии комментируются, интерпретируются участниками. Рефлексия по поводу выявленных проблем выступает формой группового самопознания, может иметь как обучающий эффект, так и стать основой разработки социальных программ, ориентированных на их решение.

Полученные фотоистории выступают средством самопрезентации сообщества миру, социальному окружению, инструментом диалога, консультаций с общественностью посредством больших и малых групповых дискуссий, раскрывают новые возможности визуализации проблем сообщества, выходящие за границы традиционно принятых форм и средств социального контроля за визуальной информацией. Методика Photovoice используется на разных этапах исследования: для ознакомления с объектом, получения первичной информации, оценки ее обоснованности и надежности.

Особенностью информации, получаемой с помощью описанных методов, является возможность анализа всех типов визуальных данных, характеризующих личность и способы ее самоконструирования, действия, интерак-

цию (взаимодействия), коллектив, культуру, среду (общественное окружение). Полученные данные соотносимы и часто служат дополнением к традиционным социологическим методам наблюдения, анализа содержания, метода личных документов, интервью с интерпретацией фотографий и видео и др.

В целом задачей социолога в реализации визуальных методов является разработка методики, организация *co*-исследователей в процессе сбора информации и, безусловно, аналитика. Для анализа данных, полученных описанными визуальными методами, применим широкий спектр методологических подходов, прежде всего, герменевтический анализ, дающий возможность выявить мотивацию создателя видеоряда, способы его самоописания и презентации его окружения, типовые образы, действия и взаимодействия в структуре видеоряда и т.д. Эти данные могут быть проанализированы как текст с позиций социосемиотического подхода. Часто необходимым является применение дискурс-анализа и т.д.

Далее мы рассмотрим еще два актуальных метода участия, один из которых ориентирован на проявление активной роли в исследовательской деятельности *co*-исследователей, представителей местных сообществ (Theatre for Development), другой – организаторов проектной деятельности, экспертных сообществ (Reality Check Approach).

Развивающий театр (Theatre for Development (TFD) – разновидность игровых методов, дающая возможность творческого самовыражения участникам в собственных историях, через игру в пьесах, театральных постановках, созданных на их основе. При этом нарратив участника предполагает полноценное использование собственного языка, речевых навыков, способов высказывания, характерных для него идиоматических выражений.

TFD как метод адаптирован к потребностям, интересам местных сообществ, призван выполнять коммуникативную, рефлексивную, интегративную, проективную, терапевтическую функции. Общей целью проектов, реализуемых с помощью TFD как инструмента участия, является привлечение членов сообщества к диалогу, выявление и анализ их потребностей и проблем, планирование коллективных действий.

Метод проверки реальности (Reality Check Approach (RCA) начиная с 2007 года (времени своего появления) получает все большее международное признание как комплексный метод, сочетающий в себе элементы включенного наблюдения эксперта за повседневными практиками сообщества (в виде мониторинга третьей стороны), рефлексии и оценки сообществом своих проблем и обучающего эффекта. Метод предполагает «погружение» исследователя в жизнь домохозяйства, который, испытывая на себе, его реальные трудности и проблемы, имеет возможность детального наблюдения.

Совместное проживание в течение определенного времени, интервью с членами домохозяйства, включение их всех (в том числе несовершенно-

летних и людей старших возрастных групп) в процесс диалога, обучение способам решения их проблем (связанных с бедностью, здоровьем, бытовыми проблемами, организацией хозяйственной деятельности и пр.) позволяет исследователю посредством использования возможностей частного пространства семейного сообщества достичь значительно больших успехов, чем через институциональные механизмы общественных организаций, занимающихся социальной работой.

Метод ориентирован на обследование статистически малых, труднодоступных групп или сообществ, имеющих принципиальное значение для темы исследования. Он предполагает использование целевых выборок, позволяет отслеживать значимые для исследования изменения объекта в условиях наличия постоянной обратной связи, дает важную контекстную информацию.

В организационном плане процесс реализации партисипаторных исследований представляет собой некое движение по спирали, в которой чередуются исследовательские действия и критическая рефлексия, постоянно совершенствуются методики с целью поиска наиболее удачного сочетания методов, адекватных исследовательской проблеме. Исследования могут быть повторными, будучи реализованы с использованием исследовательских панелей. Формы презентации результатов часто предполагают постоянный диалог уже за пределами полевого исследовательского проекта, например с применением виртуальных проектов типа Карты памяти (Mapping Memories).

Далее мы постараемся на конкретном материале музейных практик рассмотреть возможности применения партисипаторных исследований.

Особенности использования партисипаторных исследований в музейной практике. Партисипаторные исследования – это неотъемлемая часть реализуемых в музейной практике партисипативных проектов. Их недостаточная представленность в современном российском исследовательском поле связана с ограниченностью опыта реализации самих партисипативных проектов в социокультурной сфере, прежде всего, в музейной деятельности, где эта тенденция в последнее время только еще набирает силу.

Концепция партисипативного музея находится в процессе становления. Среди ключевых ее исследований на западе – работы Н. Саймон [16], К. Маклин и В. Поллок [17, 18], а в России – Д. Агаповой [19]. В связи с новизной данного музейного направления необходимо остановиться на понятиях, используемых в теоретическом дискурсе. По мнению Н. Саймон, основоположницы направления «MuseumNext», *participatory museum* – место, где посетители могут создавать, делиться и взаимодействовать друг с другом вокруг какого-то контента [16]. Речь идет о принципиальной смене миссии, ценностей музея, признающего современные истории, артефакты, мнения посетителей не менее значимыми, чем то, что хранится в фондах и имеет статус культурного наследия. Развитие культуры участия – это не только выход на новое качество

музейного продукта, но и возможность реализации исследовательской деятельности в этой сфере с привлечением широкого круга общественности [20].

Многие западные музеи уже успешно реализуют проекты, используя возможности научного краудсорсинга:

- ◆ в оценке и фильтрации музейных коллекций, в том числе отборе артефактов для выставок (Бруклинский музей, проект «Click! A Crowd-Curated Exhibition», 2008) [21];

- ◆ в создании структуры и наполнении постоянной экспозиции (Minnesota History Center, проект «MN150», 2007) [22];

- ◆ в решении научных задач, создавая и используя краудсорсинговые инструменты для оцифровки, корректировки и анализа исторических карт (Публичная библиотека Нью-Йорка, проект «Building Inspector», 2014) [23].

На музейной же карте России аналогичные проекты пока единичны, тем более неизвестен научный краудсорсинг, при котором широкая аудитория включалась бы в создание музея или музейной выставки. Далее мы рассмотрим опыт реализации партисипаторных исследований в рамках двух музейных проектов партисипативного типа, осуществленных в Екатеринбурге.

Первый – «Искусство путешествий» (победитель конкурса «Меняющийся музей в меняющемся мире» Благотворительного фонда В. Потанина, реализован Свердловским областным краеведческим музеем в 2013–2014 годах) – предполагал создание выставки с аналогичным названием на основе идей, мнений, историй и артефактов уральских путешественников разных поколений, которые были объединены идеей создания площадки для коммуникации, творческих обменов, диалога, формирующего культуру путешествия, и рассматривали выставку как одно из средств ее реализации. Исследования были неотъемлемой частью проекта и осуществлялись по принципу совместного (коллаборативного) взаимодействия социолога и *co*-исследователей на всех этапах его реализации – от определения целевой аудитории, выявления ее потребностей до оценки эффективности проекта. Задачей исследований было помочь создать коммуникативное пространство, найдя язык общения между разными социальными группами людей, включенными в практику путешествий.

В поле исследовательской деятельности оказались включенными до 2 тыс. человек, реализующих свою активность в разных формах и на разных этапах реализации проекта.

I этап (предпроектный) – разработка и тестирование общей идеи проекта с использованием методов экспертного фокусирования, свободного интервью, мозгового штурма, анализа информации круглых столов и отзывов в социальных сетях. Объектом исследования выступали экспертные сообщества, ключевые информанты – путешественники (профессионалы и любители, принадлежащие к разным сегментам целевой аудитории), потенциальные посетители выставки, готовые принять участие в проекте.

II этап (исследования в ходе реализации проекта) – разработка элементов проекта (структуры и наполнения экспозиции, дизайна выставочного пространства, концепции отдельных залов, тестирование и фильтрация экспонатов и пр.) с использованием методов мозгового штурма, фокус-групп, свободного интервью, ассоциативных методик. Объектом выступали эксперты, представители музейного сообщества, дизайнеры выставочного пространства, потенциальные посетители выставки.

III этап (постпроектный) – анализ эффективности реализации проекта через выявление отношения посетителей к выставке «Искусство путешествий», с использованием массового опроса методом формализованного интервью, дневниковых интервью, изучения отзывов посетителей на сайте проекта традиционным методом анализа содержания. Объектом исследования стали посетители выставки (объем выборки 375 чел., систематический тип отбора, при $N=6855$, ошибка выборки 5 %, коэффициент доверия 0,95), типичные представители целевой аудитории, с которыми проводилось дневниковое интервью, фиксирующее полученные ими впечатления от выставки и позволяющее оценить ее коммуникативный эффект.

Если перечисленные выше методические процедуры производились с непосредственным участием *со-исследователей* и были под контролем социолога, то инструментами исследования, реализованными полностью *со-исследователями*, стали:

- ♦ встречи в музее с известными путешественниками, представившими на выставку свои экспонаты и истории (исследовательская задача здесь предполагала косвенным образом осуществить анализ мотивации участия, тестирование концепции проекта);

- ♦ онлайн-голосование, посвященное выбору экспонатов для предстоящей выставки (тестирование элементов проекта);

- ♦ коллективные виртуальные выставки фотографий посетителей (анализ потребностно-мотивационной сферы путешествия и форм самопрезентации путешественников);

- ♦ авторские экскурсии, состоящие из персональных историй, вдохновленных экспонатами музея (анализ конкретных практик и потребностно-мотивационной сферы путешествия);

- ♦ игры типа «Дополни экспозицию своими экспонатами» (сувенирами, фотографиями, текстами), виртуальные аукционы экспонатов; фотокроссинг – возможность обменять свою туристскую фотографию на историческую и т.д. (анализ активности участия, уровня понимания концепции выставки).

Кроме того, с целью получения адекватной обратной связи волонтерами постоянно отслеживались количественные параметры коммуникативной «участвующей» деятельности посетителей: сайт-статистика, работа посетителей с интерактивными объектами (картами, личными историями, фотогра-

фиями и др.), музейными объектами, включенными в игровое поле выставочного пространства, общая статистика посетителей и т.д.

В итоге стало понятно, что формирование культуры участия посетителей – это актуальная задача музейных сообществ, и практика взаимодействия с партисипативными выставочными проектами является серьезным подспорьем в ее решении. В рамках данного конкретного проекта была сделана достаточно успешная попытка включиться в процесс формирования культуры участия посетителей музея, давая возможность им осваивать новые формы коммуникации, выходить за границы принятой социальной роли зрителя, взаимодействовать с выставочными объектами, участниками выставочного процесса, творческой группой, *со*-участвовать в создании и модификации выставки. Практическая деятельность *со*-исследователей стала одним из факторов и показателем уровня сформированности партисипативной культуры всех участников, включая самих социологов.

Вторым более масштабным стал партисипативный проект «Уралмаш – производство будущего» (победитель конкурса «Меняющийся музей в меняющемся мире» Благотворительного фонда В. Потанина, реализуется музеем истории Екатеринбурга в 2015–2016 годах). Он посвящен гиганту 1-й пятилетки Уралмашзаводу и выстроенному вокруг него району «Соцгород Уралмаш», своего рода «городу будущего». В свое время архитекторы-конструктивисты воплотили в нем авангардную модель мира, а в настоящее время он имеет имидж одного из самых депрессивных районов города. В проекте реализуется идея партисипативного проектирования, связанного как с социальным преобразованием района, так и трансформацией его символической среды. Задача исследователей – анализ символического пространства, условий и средств его преобразования. Сам проект и его исследовательская база опираются на ресурсы местных сообществ и конкретной территории.

В ходе исследований были реализованы: анализ событийного ряда, связанного с каждой эпохой развития Уралмаша (документальный метод), выявление отношения населения к району и его будущему (массовый репрезентативный опрос), собирание личных историй, раскрывающих судьбы жителей района (биографическое интервью с представителями разных поколений, анализ личных историй, связанных с жизнью района, выложенных жителями на сайте проекта), увязывание значимых для жителей событий (позитивных и негативных) с конкретным местом (элементы социального картографирования, фиксация жителями на карте района, расположенной на сайте проекта, знаковых событий, произошедших в районе, его проблемных зон).

В исследование были вовлечены представители разных поколений, разных социальных слоев и групп. Заинтересованность и активное участие представителей местных сообществ в исследованиях были связаны с желанием преобразования места, где они живут, изменением отношения жителей к не-

му. Связь социолога и со-исследователей осуществлялась по принципу совместного участия. Одним из результатов исследовательской и проектной деятельности стало создание двух арт-объектов. На основе воспоминаний жителей соцгорода Уралмаш создан экскурсионный арт-автобус – своего рода площадка документального аудиоспектакля, погружающего в ту или иную эпоху жизни соцгорода и представляющего собой попытку поговорить о его судьбе и судьбах его жителей. Жителями он воспринимается как собственное достояние и часть культурной инфраструктуры района.

Создание второго культурного продукта связано с попыткой визуализировать представления населения о районе и его будущем. Для этого художниками, дизайнерами формировались сюжеты, выбирались площадки (на основе результатов картографирования), на которых жители, отобрав понравившиеся им художественные идеи, сами создавали арт-объекты. В результате начал формироваться готовый арт-музей под открытым небом и музей истории района.

Одним из важных социальных эффектов партисипаторных исследований является формирование партисипативной культуры и социологов, и представителей местных сообществ как необходимое условие становления гражданского общества. Партисипаторные исследования как вид методической исследовательской стратегии имеют серьезные перспективы и методологический потенциал. Привлечение к ним внимания и рефлексия по поводу их возможностей и условий применения необходима для понимания направлений развития практико-прикладной составляющей управленческой деятельности.

Исследование выполнено за счет гранта РГНФ, проект № 16-03-00051 «Нелинейная динамика образовательных общностей в мегаполисе в условиях социальной неопределенности».

Список литературы

1. Lewin K. Action Research and Minority Problems // Journal of Social Issues. – 1946. – Vol. 2, no. 4. – P. 34–46.
2. Lewin K. Resolving Social Conflicts: Selected Papers on Group Dynamics. – NY: Harper and Row, 1948. – 230 p.
3. Burawoy M. For Public Sociology // American Sociological Review. – 2005. – Vol. 70, no. 1. – P. 4–28.
4. Cornwall A., Jewkes R. What is participatory research? // Social Science and Medicine. – 1995. – Vol. 41, no. 12. – P. 1667–1676.
5. Camic C., Joas H. The Dialogical Turn: New Roles for Sociology in the Postdisciplinary Age. – Maryland: Rowman & Littlefield, 2003. – 328 p.
6. Chambers R. PRA, PLA and Pluralism: Practice and Theory // Reason P., Bradbury H. The Sage Handbook of Action Research: Participative Inquiry and Practice. – London: Open University Press, 2008. – P. 297–318.

7. Swantz M.L. Participatory Action Research as Practice // Reason P., Bradbury H. *The Sage Handbook of Action Research: Participative Inquiry and Practice*. – London: Open University Press, 2008. – P. 31–48.
8. Татарова Г.Г. *Методология анализа данных в социологии: введение*. – М.: NOTA BENE, 1999. – 224 с.
9. Татарова Г.Г. *Основы типологического анализа в социологических исследованиях*. – М.: Новый учебник, 2004. – 247 с.
10. Brock K., Pettit, J. *Springs of Participation: Creating and Evolving Methods for Participatory Development*. – UK: Warwickshire, 2007. – 209 p.
11. Chevalier J.M., Buckles D.J. *Participatory Action Research: Theory and Methods for Engaged Inquiry*. – UK: Routledge, 2013. – 496 p.
12. Hickey S., Mohan G. *Participation: From Tyranny to Transformation? Exploring New Approaches to Participation in Development*. – London, 2005. – 268 p.
13. Reason P., Bradbury H. *The Sage Handbook of Action Research: Participative Inquiry and Practice*. – London: Open University Press, 2008. – 720 p.
14. Digital Storytelling (DST). 2015. – URL: <http://www.participate2015.org/methods/digital-storytelling-dst/> (accessed 13 March 2017).
15. Wang C., Burris M.A. Photovoice: Concept, methodology, and use for participatory needs assessment // *Health education & behavior*. – 1997. – № 24 (3). – P. 369–387.
16. Simon N. *The participatory museum*. – Santa Cruz, CA: Museum 2.0, 2010. – URL: <http://www.participatorymuseum.org/read/> (accessed 13 March 2017).
17. McLean K., Pollock W. *The convivial museum*. – Washington, D.C.: Association of Science-Technology Centers, 2010. – 200 p.
18. McLean K., Pollock W. *Visitor Voices in Museum Exhibitions*. – Washington, DC: Association of Science-Technology Centers, 2007. – 164 p.
19. Агапова Д. *Культура участия: миллионы диалогов [Электронный ресурс] // Музей как пространство образования: игра, диалог, культура участия / под ред. А. Щербакова; сост. Н. Копелянская*. – М., 2012. – URL: http://issuu.com/museumsolutions/docs/book_5 (дата обращения: 13.03.2017).
20. Прицция Р. (Prizzia R). *Партисипативное управление // Государственное управление. Словарь-справочник (по материалам «International Encyclopedia of Public Policy and Administration»)*. – СПб.: Петрополис, 2001. – С. 380–384.
21. Click! *A Crowd-Curated Exhibition*. 2008. – URL: <http://www.brooklynmuseum.org/exhibitions/click/> (accessed 13 March 2017).
22. *State Fairs and Visitor Co-Creation: An Interview about MN150*. 2008. – URL: <http://museumtwo.blogspot.ru/2008/07/state-fairs-and-visitor-co-creation.html> (accessed 13 March 2017).
23. *What's this all about?* 2014. – URL: <http://buildinginspector.nypl.org/general/about> (accessed 13 March 2017).

References

1. Lewin K. Action research and minority problems. *Journal of social issues*, 1946, vol. 2, no. 4, pp. 34-46.
2. Lewin K. Resolving social conflicts: selected papers on group dynamics. New York, Harper and Row, 1948, 230 p.
3. Burawoy M. For public sociology. *American sociological review*, 2005, vol. 70, no. 1, pp. 4-28.
4. Cornwall A., Jewkes R. What is participatory research? *Social science and medicine*, 1995, vol. 41, no. 12, pp. 1667-1676.
5. Camic C., Joas H. The dialogical turn: new roles for sociology in the post-disciplinary age. Maryland, Rowman & Littlefield, 2003, 328 p.
6. Chambers R., Reason P., Bradbury H. PRA, PLA and pluralism: practice and theory. *The sage handbook of action research: participative inquiry and practice*. London, Open University Press, 2008, pp. 297-318.
7. Swantz M.L., Reason P., Bradbury H. Participatory action research as practice. *The sage handbook of action research: participative inquiry and practice*. London, Open University Press, 2008, pp. 31-48.
8. Tatarova G.G. Metodologiya analiza dannykh v sotsiologii: vvedenie [Methodology of data analysis in sociology: introduction]. Moscow, NOTA BENE, 1999, 224 p.
9. Tatarova G.G. Osnovy tipologicheskogo analiza v sotsiologicheskikh issledovaniyakh [The Fundamentals of typological analysis in social research]. Moscow, Novyi uchebnyk, 2004, 247 p.
10. Brock K., Pettit J. Springs of participation: creating and evolving methods for participatory development. UK, Warwickshire, 2007, 209 p.
11. Chevalier J.M., Buckles D.J. Participatory action research: theory and methods for engaged inquiry. UK, Routledge, 2013, 496 p.
12. Hickey S., Mohan G. Participation: from tyranny to transformation? Exploring new approaches to participation in development. London, 2005, 268 p.
13. Reason P., Bradbury H. The sage handbook of action research: participative inquiry and practice. London, Open University Press, 2008, 720 p.
14. Digital storytelling (DST), 2015. Available at: <http://www.participate2015.org/methods/digital-storytelling-dst/> (accessed 13 March 2017).
15. Wang C., Burris M.A. Photovoice: concept, methodology and use for participatory needs assessment. *Health Education & Behavior*, 1997, no. 24(3), pp. 369-387.
16. Simon N. The participatory museum. Santa Cruz, CA: Museum 2.0, 2010. Available at: <http://www.participatorymuseum.org/read/> (accessed 13 March 2017).
17. McLean K., Pollock W. The convivial museum. Washington, Association of Science-Technology Centers, 2010. 200 p.
18. McLean K., Pollock W. Visitor Voices in Museum Exhibitions. Washington, Association of Science-Technology Centers, 2007, 164 p.

19. Agapova D. Kul'tura uchastiia: milliony dialogov [Participatory culture: millions of conversations]. *Muzei kak prostranstvo obrazovaniia: igra, dialog, kul'tura uchastiia*. Moscow, 2012. Available at: http://issuu.com/museumsolutions/docs/book_5 (accessed 13 March 2017).

20. Pritsitsiia R. (Prizzia R). Partisipativnoe upravlenie [Participatory management]. Gosudarstvennoe upravlenie. Slovar'-spravochnik. Saint Petersburg, Petropolis, 2001, pp. 380-384.

21. Click! A crowd-curated exhibition, 2008. Available at: <http://www.brooklynmuseum.org/exhibitions/click/> (accessed 13 March 2017).

22. State fairs and visitor co-creation: an interview about MN150, 2008. Available at: <http://museumtwo.blogspot.ru/2008/07/state-fairs-and-visitor-co-creation.html> (accessed 13 March 2017).

23. What's this all about?, 2014. Available at: <http://buildinginspector.nypl.org/general/about> (accessed 13 March 2017).

Оригинальность 76 %

Получено 16.03.2017 Принято 18.04.2017 Опубликовано 29.12.2017

E.A. Shuklina

PARTICIPATORY RESEARCH: METHODOLOGY, METHOD, PRACTICE

The article touches upon the participatory research methodology in Russia. As a form of civil society phenomenon participatory studies are shown to become urgent, being developed simultaneously with civil society, and revealing the formation of the participation culture among different population groups. This type of studies is mostly connected with the modern public sociology.

The development of participatory research is briefly described and it is revealed that in Russia the usage of the participatory method is limited by the restricted nature of the civil institutions. The author describes the conceptual and methodological features of the participatory research, specific practice of its realization in the sociocultural sphere. The "participatory research" term is found to be not firmly established in scientific practice, but the main features of such researches include a social communities' participation as co-researchers in the project; a project orientation towards the certain practical results connected with social reality changes; a marked educational effect of the project arising as a deeper self-understanding of the nature of the social community (and the methods of study), its problems and challenges; a rise of the civil activity oriented towards the social change.

Participatory researches influence the development of the social well-being at both local and global levels, reveal and solve problems the members of social projects are bound to be engaged in as they are a part of such research. The article reveals the role of participatory research in building the participation culture and developing civil institutions as well as describes the methods and results of some participatory research projects which were implemented in different museum activities.

Keywords: *participatory research, participation culture, sociological research methodology, museums activities.*

Elena A. Shuklina – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, e-mail: shuklina_elena@mail.ru.

Received 16.03.2017

Accepted 18.04.2017

Published 29.12.2017